

ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОГО КРЫЛА СИБИРСКИХ КАДЕТОВ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПУБЛИЦИСТИКИ В.А. ЖАРДЕЦКОГО)

Статья посвящена анализу эволюции общественно-политических позиций правого крыла кадетской партии в Сибири в период революции и Гражданской войны. На материалах публицистической деятельности идеолога правых сибирских кадетов В.А. Жардецкого раскрываются причины и последовательные этапы их поворота от либерального демократизма к идее национальной авторитарной диктатуры.

Ключевые слова: либерализм в Сибири; революция; Гражданская война.

Валентин Александрович Жардецкий (1884–1920) занимает особое место в ряду представителей кадетской партии в Сибири. После Февральской революции скромный адвокат возглавил Омский комитет партии и Западно-Сибирский комитет Всероссийского союза городов. После прихода к власти большевиков он был одним из вдохновителей восстания юнкеров в Омске 30 октября – 2 ноября 1917 г., одно время укрывал от преследований бывшего главу Временного правительства князя Г.Е. Львова, а после свержения советской власти в Сибири первым выступил за применение военно-полевых судов против большевиков. С 1918 г. Жардецкий становится редактором газеты «Сибирская речь» – органа Восточного отдела ЦК партии кадетов. Выдающийся оратор и публицист, Жардецкий стал идеологом правого крыла сибирских кадетов и первым из них открыто выступил за военную диктатуру в августе 1918 г. на конференции партии в Омске. При Колчаке он становится товарищем председателя Восточного отдела ЦК партии и идейным вдохновителем Омского национального блока, объединившего кадетов, правых социалистов, представителей буржуазии и кооператоров, советником правительства Колчака по вопросам печати и пропаганды и членом Государственного экономического совещания. После падения колчаковского режима Жардецкий был арестован в Иркутске, доставлен в Омск и расстрелян без суда постановлением ЧК в 1920 г. [1, 2].

Яркие характеристики Жардецкого оставили видный кадетский идеолог, будущий основоположник «сменовеховства» Н.В. Устрялов и управляющий делами Совета министров Колчака Г.К. Гинс. Устрялов вспоминал: «В Омске я застал его фанатиком государственности, злейшим «социалистоедом», свирепым националистом, поклонником диктатуры и пламенным обожателем Колчака. Я... искренне любил его как интересного и бесспорно талантливого человека... Но в то же время не могу не признать основательности значительной части бесчисленных нападок на него, как на политического деятеля. Его темперамент, нервность, несдержанность, удручающее отсутствие политического такта вредили не только ему самому, но, к сожалению, и партии» [3]. Не менее интересна оценка, данная Жардецкому Г.К. Гинсом: «Интересный, способный и умный, но фанатичный человек, с искалеченными нервами, крайней неуравновешенностью и несдержанностью, Жардецкий был фанатиком диктатуры и Великой России. С самого момента появления в Омске адмирала он стал его горячим поклонником... Жардецкий пользовался доверием адмирала и стал бывать у него. Его

главным недостатком была отвлеченность мышления, мешавшая ему быть реальным политиком» [4. С. 234].

Показателем идейно-политической эволюции большинства сибирских кадетов в переломную эпоху революции и гражданской войны служит публицистическое наследие В.А. Жардецкого, к статьям которого в «Сибирской речи» в то время без преувеличения было приковано внимание всей читающей Сибири. После Февральской революции газета «Сибирская речь» (основанная в мае 1917 г.), в которой Жардецкий сразу стал одним из ведущих авторов (редактором до 1918 г. был П.П. Емельянов), в числе первых отходит от демократической эйфории, характерной для российских либералов некоторое время после падения монархии. Уже в июне 1917 г. он пишет: «Революция зажгла вселенский факел братства народов. Но... светящийся факел этот никого не согрел. Напротив, он стал распространять вокруг себя удушливый чад внутренних распри и вражды, тяжелый туман интернационального обмана» [5. 1917. 22 июня].

По существу, центр активности сибирских кадетов в этот период перемещается из Томска в Омск. Во главе Омского комитета партии Жардецкий резко выступил против усилившейся в 1917 г. пропаганды автономии Сибири, заявляя, что для нее нужны такие особенности политического и национального уклада, которыми Сибирь не обладает, поэтому «не может быть и речи о федеративном устройстве Сибири». К тому же, настаивал он, Сибирь неоднородна по своим экономико-географическим особенностям, в ней можно выделить три части: Западную (Тобольская и Томская губернии и Акмолинская область), «Срединную» (Енисейская губерния) и Восточную (Иркутская губерния и Якутия), для каждой из которых (но не для Сибири в целом) возможна (но не обязательна) лишь «культурно-хозяйственная автономия», но «Сибирская областная дума с правами местного законодательства должна быть отвергнута» [5. 1917. 21 мая]. По мере нарастания в стране хаоса и анархии Жардецкий все резче оценивал политическую ситуацию и деятельность партий. В конце мая 1917 г. он писал: «Вот уже третий месяц, как мы пытаемся околдовать, заморозить всю страну прекрасными словами, но что получается из этого, кроме одного говорения? Отечество несет на всех парусах к гибели, к экономическому и финансовому краху, к анархии... а мы в это время, стоя на тонущем корабле, произносим свои заклинательные формулы, выносим резолюции, выкрикиваем лозунги и в этой словесной вакханалии кружимся, словно листья в ноябре» [5. 1917. 27 мая].

В этой связи особую тревогу вызывало разложение армии. «Наш враг, – писал Жардецкий, – сумел под личиной братания и жирных поцелуев усыпить бдительность и деятельность нашей армии... Вопиющий факт нашей измены демократической Европе (союзникам по Антанте. – В.Х.)... находит объяснение не только в гнусности ленинской пропаганды, но и в доверчивости малосознательного русского солдата». Призывая народ не верить заявлениям, будто бы «немецкий пролетариат против войны», он добавлял: «На самом деле немецкий пролетариат давно уже стал на точку зрения своей империалистической буржуазии и своего обожаемого монарха Вильгельма» [5. 1917. 16 июня]. Сравнивая российских социалистов с западными, В.А. Жардецкий отмечал, что на Западе социалистические партии издавна (в Германии – после отмены исключительного закона против них в 1890 г.) росли и развивались в легальных условиях парламентаризма и профсоюзов, поэтому «вопросы государства, права, чувство законности были им не чужды», отсюда – преобладание патриотических тенденций среди них в годы мировой войны (то, что Ленин называл «социал-шовинизмом»). В России же «социализм родился и вырос в интеллигентском подполье. Власть гнала его нещадно». Поэтому он «развивался с душой привычного бунтовщика», лишенный «опыта государственной и общественной работы», ненависть к царскому правительству «заслоняла для него Русское государство». Патриотизм чужд русскому социалисту, утверждал Жардецкий, т.к. «он – гражданин мира и занят осчастливить все человечество». Немногочисленные представители русских социалистов (вроде Б.В. Савинкова и Г.В. Плеханова), занявшие в годы войны патриотическую позицию, выглядели, по его словам, среди своих товарищей «белыми воронами, хорошо если чудачками, а то и «буржуями».

Наращение враждебности по отношению к социалистам контрастировало с традиционной позицией кадетов, хотя и критиковавших социалистические партии за «несбыточные утопии», но рассматривавших их как потенциальных союзников в борьбе с самодержавием (в отличие от октябристов). По статьям периода революции можно наблюдать, как доминирующей в идеологии кадетов (как сибирских, так и всей России) постепенно становится идея государственности и буржуазного характера революции. В.А. Жардецкий становится идейным лидером этого направления в Сибири, развивая (применительно к новой эпохе) идеи автора знаменитого дореволюционного сборника «Вехи» П.Б. Струве.

Анализируя причины наступающей анархии в условиях демократии, сибирские кадеты усматривали одну из них в народной психологии, лишенной в силу исторических особенностей политической культуры: «Общество, привыкшее столетиями ютиться по перегородкам и полицейским камерам, на другой день после отмены *сословных и национальных* ограничений создало себе новые – *партийные и социальные*» (здесь и далее курсив мой. – В.Х.). Они раскрывали произошедшую в народном сознании *подмену понятий*: «Первенствующее сословие – дворянство заменено *новым* первенствующим сословием – рабочим классом». Отмечая тра-

диционный для левых партий психологический прием направлять народную агрессию против искусственно раздуваемого образа врага, они проводили параллель между черносотенными еврейскими погромами дореволюционной эпохи и развернувшейся в 1917 г. травлей Советами «буржуев». «Пока господствующие социалистические партии не откажутся от партийного шовинизма, – заключала «Сибирская речь», – пока обыватель не поймет, что холопство и хамство отвратительны и мерзки, хотя бы они проявлялись и в отношении к «его величеству совдепу»... революция будет бесплодна» [5. 1917. 22 авг.].

Помимо психологических наблюдений, в цитированной статье привлекает внимание отмеченная тенденция *подмены одного сословного строя другим*. Правда, в послефевральский период эта тенденция проявлялась еще только в действиях и стремлениях левых деятелей Советов и шедших за ними социальных низов, *на практике* она была реализована в полном объеме большевиками после Октября в форме «диктатуры пролетариата». Но сам факт обращения на нее внимания еще за несколько месяцев до переворота говорит о предвидении дальнейшего развития ситуации, чего упорно не хотели признавать ни социалистические партии, ни сам глава Временного правительства А.Ф. Керенский.

Более того, Жардецкий первым из сибирских кадетов открыто делает сравнения – пока что *частные* – между дореволюционными и новыми порядками в пользу первых. Он во всеуслышание заявляет в Омской городской думе, что революция развалила не только армию, но и правоохранительные органы, ибо старая полиция, беря взятки и творя произвол, все же «худобно справлялась со своими обязанностями», новая же милиция, страдая теми же пороками, не справляется [5. 1917. 22 сент.]. Забастовку железнодорожников в дни войны он прямо называет «государственной изменой», обвиняя социалистов и руководимые ими Советы, которые «6 месяцев убеждали, что законно пользоваться затруднениями государства и предъявлять во время войны вымогательские требования к правительству... 6 месяцев разжигали аппетиты и усыпляли чувство ответственности перед Россией» [5. 1917. 30 сент.]. «Сибирская речь» называет социалистическую демократию «*революционной обывательщиной*», которая действует по поговорке «на рубль амбиции, на грош амуниции» и «в момент величайшей национальной катастрофы ничего не может произвести, кроме бесконечного словоизлияния».

Под влиянием бесславного краха Временного правительства Жардецкий писал в драматические дни гибели сибирской демократии в январе 1918 г.: «Весь пройденный пепелищем путь внушает жуткую мысль: хорош был старый дом наш – Россия», и вопрошал: «Не забавно ли в столь прискорбных обстоятельствах твердить затверженные в марте слова: демократия, общественность, завоевания революции, свобода, всеобщее и проч.», когда «*надо спасти самую возможность государства в России, установить в ней порядок в самом грубом смысле этого слова* (здесь и далее выделено мной. – В.Х.)... Довольно болтовни... Может быть, государство Русское *ближайших столетий* будет

весьма далеким от тех широких надежд, в которых решилось нам его будущее в марте 1917 г. Но это несравненно лучше, нежели если оно умрет совершенно. И мы можем спасти Россию только при условии, если поймем, что нам не по пути с ее врагами, с ее мстительными пасынками – социалистами. Пусть они – потомки Иуды Искарота – идут презренным путем своего духовного предка» [5. 1918. 21 янв.]. В этом отрывке обращает на себя внимание, во-первых, то, что врагами России именуются уже не только большевики, но все социалисты. Правда, Жардецкий был одним из представителей правого крыла кадетской партии, далеко не все тогда еще стояли на столь решительной позиции. Но в дальнейшем их число стало расти. Во-вторых, характерен отказ этой части партии от идеи парламентарной демократии для России не на ближайшие даже годы, а на длительный период, возможно, *столетия*. Несомненно, это был радикальный поворот в мировоззрении. В конце 1917 г. с первой страницы «Сибирской речи» исчезает прежний девиз: «Да здравствует парламентарная демократическая республика», под которым газета выходила с момента своего основания в мае 1917 г.

В 1918 г. Жардецкий, ранее являвшийся ведущим журналистом «Сибирской речи», становится ее редактором. При нем «правый уклон» газеты усиливается. В отношении дебатов об устройстве антибольшевистской армии, развернувшихся с началом гражданской войны и падением советской власти в Сибири летом 1918 г., газета предупреждает о недопустимости повторения печального опыта «солдатской демократии» периода Временного правительства и цитирует фразу столпа французской либеральной политической мысли А. Ламартина: «Армия, которая рассуждает, подобна руке, которая стала бы думать» [5. 1918. 4 авг.]. Отношение к большевикам достигает высшего пика враждебности после провозглашения последними красного террора в сентябре 1918 г., последовавшего за покушением на В.И. Ленина. Само это покушение «Сибирская речь» комментировала так: «Смерть от раны была бы для Ленина слишком малым наказанием. Преступлениям его нет меры, и уйти от жизни без всенародного суда он не должен» [5. 1918. 4 сент.].

Жардецкий становится лидером правого крыла сибирских кадетов. Уже в июле 1918 г. на торгово-промышленном съезде в Омске он открыто заявил о необходимости «твердой единоличной власти». А всего через месяц, в августе, это мнение было официально утверждено резолюцией Первой (августовской) Восточной конференции партии. Против этой резолюции голосовало умеренно левое меньшинство делегатов, в том числе иркутские кадеты. Конференция окончательно сформулировала отношение партии к распущенному большевиками Учредительному собранию, восстановление которого в прежнем виде (с преобладанием социалистических партий) признала недопустимым. В статье «Пределы соглашательства» об условиях коалиции с эсерами и другими умеренными социалистами редактируемая Жардецким «Сибирская речь» указывала, что развал государства и армии и позорный Брестский мир подготовили «не один Ленин и Бронштейн, а и Чхеидзе с Церетели, и Керенский с Черно-

вым». Не желая повторения печальных результатов коалиции 1917 г., газета заявляла социалистам: «Если хотите, идите *с нами* (здесь и далее выделено мной. – В.Х.), но *за вами*, господа самарские и прочие «углубители революции», мы не пойдём! Гибель России – это ваше дело, и быть вождями ее возрождения вы не имеете права!» [5. 1918. 5 сент.].

Развивая мысль о приоритете *национального* начала над *социальным*, Жардецкий все чаще берет на вооружение идеи, высказанные еще в 1909 г. в сборнике «Вехи» под редакцией П.Б. Струве. Признавая, что в свое время идеи авторов «Вех» не были оценены по достоинству большинством партии (включая ее лидера П.Н. Милюкова), «Сибирская речь» с горечью замечает: «Мы много смеялись над немецким лозунгом «Германия превыше всего», а между тем немцы с этим лозунгом сумели создать сильнейшее государство... мы же со своими широчайшими утопиями обратились в мировое позорище». Пытаясь соединить традиционное для кадетов *западничество* с *национализмом*, газета утверждала, что одно не противоречит другому, если рассматривать их как соединение двух здоровых прагматических начал. Говоря о глубоком моральном кризисе, переживаемом русской интеллигенцией после революции, и призывая ее «отучиться смотреть на свою историю как на что-то исключительно мрачное», изжить неверие и пессимизм, Жардецкий провозглашал: «*Спасение от них – только в национализме*, который один может одухотворить и нашу полуумершую литературу» [6. 1918. 4 сент.]. Несомненно, резкое (даже по сравнению с периодом Первой мировой войны) усиление националистического акцента в пропаганде было общей тенденцией в кадетской партии. Говоря о кризисе социалистического интернационализма («циммервальдизма»), кадеты выражали надежду на то, что в недрах сибирской кооперации зародится «крестьянская партия, чуждая всяких социалистических утопий... и налета эсеровщины», окрыленная национальным духом и способная стать достойным партнером Партии народной свободы.

После августовской партконференции омские кадеты развернули активную работу по консолидации антисоциалистических сил и осенью 1918 г. создали так называемый Омский национальный блок, в который вошли 14 организаций: партийных – кадеты, Национальный союз (филиал Национального центра), энесы и близкий к ним Союз возрождения России, сравнительно небольшие группы наиболее правых представителей эсеров (группа «Воля народа», шедшая за Б.В. Савиновым) и меньшевиков (основанная Г.В. Плехановым группа «Единство») и общественных – Совет съездов торгово-промышленников, военно-промышленные и биржевые комитеты, некоторые кооперативы, представители казачьих войск. Идейным вдохновителем блока стал В.А. Жардецкий. Кадеты играли организующую и ведущую роль в блоке. Его отделения были созданы: на Урале – в Екатеринбурге и Перми, в Сибири – в Иркутске, Барнауле и Бийске.

Завершается в этот период и организационное объединение самих сибирских кадетов, ставшее необходимым в условиях гражданской войны и территориального разрыва страны. 9 ноября 1918 г. на территории, ос-

вобожженной от большевиков, был организован Восточный отдел ЦК партии кадетов под председательством прибывшего из Москвы В.Н. Пепеляева. Товарищами председателя были избраны В.А. Жардецкий и прибывший из Самары А.К. Клафтон, секретарем – А.С. Соловейчик. Фактическим органом Восточного отдела ЦК партии стала «Сибирская речь» под редакцией Жардецкого. Немалую роль в пропаганде его идей играли также переехавшие из Уфы в Екатеринбург «Отечественные ведомости» под редакцией А.С. Белоруссова-Белецкого – кадета и члена Национального центра, в прошлом – известного московского журналиста (по существу, «Отечественные ведомости» являлись новым изданием разгромленных большевиками в Москве «Русских ведомостей», виднейшим сотрудником которых был Белоруссов-Белецкий).

С приездом в Сибирь такого видного и энергичного деятеля партии, как В.Н. Пепеляев, работа по консолидации правых кадетов ускоряется, и направление в пользу диктатуры окончательно берет верх. 12 ноября Восточный отдел ЦК по докладу Пепеляева принял курс на диктатуру и осудил итоги Уфимского совещания [6. С. 87]. 15–18 ноября 1918 г. в Омске прошла Вторая Сибирская конференция кадетской партии. Тезисы доклада Пепеляева были приняты 16 ноября (за 2 дня до колчаковского переворота) подавляющим большинством голосов – 21 против одного [7]. Резолюция конференции гласила: «Партия должна заявить, что она не только не страшится диктатуры, но при известных обстоятельствах считает ее необходимой... На Уфимском совещании государственные силы допустили ошибку, пойдя на компромисс с негосударственными и антигосударственными элементами (имелись в виду представители революционной демократии. – В.Х.)... Партия находит, что власть должна освободить страну от тумана неосуществимых лозунгов». Еще раньше Жардецкий назвал кадетских делегатов Уфимского совещания 1918 г., подписавших акт об учреждении коалиционной Директории, «предателями и изменниками» [8. С. 151].

По поводу собравшегося на Урале съезда членов Учредительного собрания, состоявшего в большинстве из эсеров и занимавшего позиции социалистической демократии и интернационализма, в резолюции говорилось: «Партия не признает государственно-правового характера за съездом членов Учредительного собрания, и самый созыв Учредительного собрания данного состава считает вредным и недопустимым» [9. 1918. 18 нояб.]. Но еще раньше Пепеляева, на совместном совещании партийных комитетов 29 октября не кто иной, как В.А. Жардецкий, без обиняков заявил: «Эту Директорию блок решил известить, и он ее изведет» [5. С. 152]. «Сибирская речь» саркастически отмечала, что эсеры ненавистны всем жаждущим порядка, и наоборот, слишком «пресны» для тех, кто «обожжен соблазнами большевизма» [5. 1919. 30 янв.]. Подводя итоги их деятельности в Сибири, она аттестовала их как «милостью чехов, получивших власть людей, имевших 2-летний стаж образования в уездном училище и 20-летний стаж каторги за грабежи» [4. 1918. 30 нояб.]. Газета Жардецкого не жалела красочных эпитетов для эсеров, называя их «политическими гермафродитами»,

«выкидышами русской революции», «мыльными пузырями» и «партией обезьяньего народа бандерлогов» (из «Маугли» Киплинга).

Переворот 18 ноября 1918 г., приведший к власти Колчака, Жардецкий бурно приветствовал (хотя непосредственно в его подготовку, в отличие от В.Н. Пепеляева, посвящен не был). С тех пор, по словам Г.К. Гинса, он становится одним из «трубадуров» диктатуры. Колчак заявлял: «Полное уничтожение военной живой силы противника – по отношению к таковой основной задаче все остальное должно получить характер служебный» [5. 1919. 25 марта]. Подхватывая его мысль, «Сибирская речь» писала: «И лишь там, в Москве, заколов дракона, можно будет думать о длительных задачах национального и государственного существования» [5. 1919. 25 марта]. Руководствуясь в большей степени законами *внешней* войны, белые вожди – а с ними и большинство *кадетских* лидеров – не понимали: в такой войне, как *гражданская*, для победы над внутренним врагом важно первым делом привлечь на свою сторону народ.

Газета Жардецкого становится рупором великодержавного национализма. Вот характерная цитата: «Самоопределение мелких народностей – одно из самых нелепых проявлений русской революции... Оторванные от великой России, они будут жалки и ничтожны, они не найдут в своей среде достаточного количества культурных и технических сил, не смогут самостоятельно построить ни одной железной дороги, открыть ни одной гимназии, ни одного университета» [5. 1919. 4 июня]. «Культурой господствующей, общегосударственной для нас является непоколебимо культура русская, – писала «Сибирская речь», – основоположником которой является великорусское племя, а углубителями и дальнейшими творцами – в истинном содружестве все племена России, органично влившиеся в состав российской нации» [5. 1919. 14 янв.].

В конечном итоге Жардецкий и шедшее за ним крыло партии оказались правее самого Колчака. В сентябре 1919 г. была опубликована грамота Верховного правителя о созыве Государственного земского совещания в качестве совещательного органа при диктаторе. Еще в процессе обсуждения в «верхах» этого проекта Жардецкий подал А.В. Колчаку записку, в которой настаивал на формировании проектируемого органа исключительно из *назначенных* членов. Однако после размышлений Верховный правитель отдал предпочтение идее А.С. Белоруссова-Белецкого, разработанной по его поручению в форму законопроекта министрами-кадетами Г.Г. Тельбергом и Г.К. Гинсом. В итоге воспроизводился принцип старого Государственного совета: половина депутатов подлежала назначению Верховным правителем, другая половина – избранию, причем расширенные права представительства предоставлялись крестьянству и казачеству.

«Идея демократии должна быть понимаема не в площадном смысле... Наиболее полезное и нужное для народа государственное и общественное устройство – то именно, *которое соответствует данному, а не выдуманному уровню его общественного и культурного быта и политического развития* (выделено мной. – В.Х.)... Примерка сшитой не по плечу и бестолковыми

портными государственно-правовой одежды была русским народом испытана в 1917 г. Так или иначе, он эту одежду сбросил», – писала газета Жардецкого, добавляя, что не поняли этого только эсеры, вобравшие в себя «всю оскомину русской революционной словесности» [5. 1919. 17 сент.].

В социально-экономических вопросах по-прежнему четко прослеживалась классическая либеральная идеология кадетов. Образцом может служить статья Жардецкого под названием «Индивидуализм или социализм?» [5. 1919. 21 марта]. В ней блестящий оратор и публицист дает развернутое историческое обоснование преимуществ капитализма: «Девятнадцатый век был временем могучего цветения личного начала... царством личной самостоятельности, был веком личного почина творчества, ответственности за себя», определил и защитил законодательно «наименьшее вторжение государства в область внутренней жизни личности» и «принес человечеству, именно вследствие торжества глубоко производительного личного начала, высшие формы солидарности... в развитии великих государств-наций». Одновременно, отмечал автор, развитие капитализма привело к экономической интеграции, «явлению связанности отдельных национальных хозяйств в могучий международный оборот», дало импульс прогрессу техники, концентрации производства и в итоге способствовало росту национальных богатств.

Идеи же социализма Жардецкий характеризовал как «великий парадокс девятнадцатого века», «веру убогих», поскольку имущественное уравнивание лишает человека стимула к производительной работе. Понятие «научный социализм» он аттестовал как лишнее, лишнее смысла и саркастически приравнивал его к словосочетаниям типа «мудрый идиот» и «красноречивый немой». Жардецкий напоминал, что именно развитие капитализма породило избыток доходов государства, сделавший возможным социальную помощь правительствам обездоленным; социалисты же увидели в этом «начало конца индивидуалистического общества» и стали пропагандировать уравнилельно-распределительный строй, который он аттестовал как «рай запуганного бездельника».

Далее автор отмечал, что мировая война привела к колоссальному сдвигу всех ценностей и породила временное вынужденное государственное регулирование хозяйственной деятельности. Однако в обстановке прогрессирующей разрухи увлечение социалистическим опытом, по словам Жардецкого, «угрожает расколотить надолго остатки хозяйственной системы», образец чего, по его мнению, дал доведенный до абсурда большевистский эксперимент «военного коммунизма»: «Счастье улыбнулось павиану, и теперь он – большевик». «Павианский опыт социализма», как язвительно называл его Жардецкий, лишь усугубил разруху. И он полагал необходимым и закономерным возвращение капитализма «на круги своя», предвещая: «Человечество, как феникс из пепла, будет воздвигнуто в новой красоте силами человека, самостоятельной личности, творческой, смелой, отвечающей за себя, свободной и обеспеченной в своей свободе законом и устройством государства». Здесь четко прослеживается типичное для либеральной идеологии отождествление капиталисти-

ческого уклада с личной инициативой и личной ответственностью.

С другой стороны, все большее внимание Жардецкий уделял религии, что до революции было более характерно для октябристов. Называя революцию «страшным судом над интеллигентщиной», вынудившим ее обратить взоры к «царству Духа, а не Материи», «Сибирская речь» заявляла: «Интеллигенция должна понять это, если она не желает быть выброшенной за борт истории, как ненужный груз. Несомненно, что нельзя творить русскую национальную жизнь без участия самого народа. И самый простой путь для того, чтобы перебросить *мост от интеллигента к крестьянину, лежит через религию*» [5. 1919. 22 марта].

Надежды на помощь церкви и религии усиливаются в критический переломный период июля–октября 1919 г., когда армия Колчака понесла серьезные поражения, но при этом фронт еще сохранял относительную прочность. Все чаще в среде кадетов звучало мнение, что влияние церкви может оказаться важнее всего остального, включая проекты Национального собрания и даже помощь Антанты, поскольку может обеспечить духовное возрождение народа, его возврат к «корням». При этом еще резче, чем раньше, бичевались традиционный интеллигентский атеизм и «академическое» западничество.

Впоследствии на судебном процессе по делу колчаковских министров (май 1920 г.) председатель Восточного отдела ЦК кадетов А.К. Клафтон (сменивший на этом посту В.Н. Пепеляева, формально вышедшего из партии в связи со вступлением в правительство Колчака) говорил, что между Восточным отделом ЦК и Омским комитетом партии во главе с Жардецким были серьезные разногласия, последний многих шокировал своей бескомпромиссностью [10. Л. 42, 124–125]. Будучи рьяным сторонником диктатуры, Жардецкий писал: «Теперь всем русским патриотам надлежит помнить, что у них нет иной обязанности, кроме обязанности повиноваться власти Верховного правителя адмирала Колчака» [5. 1919. 18 марта].

Признавая, что сила большевиков – не только в красном терроре, но и в умело организованной *пропаганде*, он призывал отвечать достойной контрпропагандой, «удесятерить, довести до максимума возможного напряжения... агитационную работу в прифронтовой полосе», привлечь к этому делу всех журналистов [5. 1919. 11 июня]. «Сибирская речь» создавала постоянную рекламу Колчаку как «русскому Вашингтону», «мужественному борцу за Россию, государственному деятелю со взглядами широкими, с умом напряженным, с сердцем, бьющимся живой любовью к России» [5. 1919. 15 марта]. В газетных статьях, выступлениях и обращениях политических партий и общественных организаций, поддерживавших белых, Колчака именovali «титаном», «витязем», «собирателем Земли Русской» [5. 1919. 15 июня].

Если определять позицию сибирских кадетов в целом сравнительно с другими крупными их региональными группировками – московской, южной и заграничной, то ее можно условно назвать *правоцентристской*. Однако В.А. Жардецкий был, безусловно, лидером их правого

крыла. Он не дожидаясь окончательного разгрома Белого движения, т.к. был расстрелян практически одновременно с А.В. Колчаком в начале 1920 г. Трудно сказать, как сложилась бы его политическая эволюция дальше, но несомненно одно: его яркое публицистическое наследие

служит характерным отражением идейной эволюции большинства кадетской партии в период гражданской войны от классических принципов либеральной демократии к великодержавному авторитаризму, составившему основу идеологии белых.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Безродный К.Э.* Новые архивные материалы к биографии В.А. Жардецкого // Политические партии, организации, движения в условиях кризисов, конфликтов и трансформации общества: опыт уходящего столетия: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. Омск, 2000. Ч. 1. С. 165–171.
2. *Безродный К.Э.* В.А. Жардецкий: «По чувству долга, но без радости надежды» // Гражданские войны. Политические кризисы. Внутренние конфликты: история и современность: Материалы Всерос. науч.-метод. конф. Омск, 1998. С. 91–95.
3. *Устрялов Н.В.* Белый Омск: дневник колчаковца. Режим доступа: moshkov.library.kr.ua/cgi-bin/html-koi.pl/politolog/ustryalov/omsk.txt
4. *Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак. М., 2008.
5. *Сибирская речь.* Омск.
6. *Дневник В.Н. Пепеляева* // Красные зори. 1923. № 4.
7. *Коллекция ГА РФ.* Конспекты докладов В.Н. Пепеляева, В.А. Жардецкого и В.А. Кудрявцева на конференции Партии народной свободы в Омске 15–18 нояб. 1918.
8. *Кроль Л.А.* За 3 года. Воспоминания, впечатления, встречи. Владивосток, 1922.
9. *Заря.* Омск.
10. ЦХДНИ ОО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 502.

Статья представлена научной редакцией «История» 24 апреля 2010 г.